

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. К. СОКОЛОВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ У ГОГОЛЯ

(К 100-летию со дня смерти)

Мысли мои, мое имя, мои труды будут
принадлежать России.

Н. В. Гоголь

Исполнилось сто лет со дня смерти великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. По решению Всемирного Совета Мира эта дата отмечалась во всех странах, всем прогрессивным человечеством. Гоголь дорог нам как писатель, правдиво изобразивший жизнь современной ему России, как защитник народных интересов, страстный и беспощадный обличитель существовавшего в его время общественного порядка и отношений, основанных на эксплуатации и порабощении народа. Гоголь зло осмеял, выставил «выпукло и ярко на всенародные очи» (В. Г. Белинский) господствующие пороки самодержавно-крепостнического строя, разоблачил паразитизм, жестокость и моральное вырождение господствующих кругов — помещиков-крепостников, высших чиновников и дельцов-предпринимателей». «Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина. А доказательство в наше время»¹, — писал Гоголь М. П. Погодину. Блестящим доказательством этой истины служат произведения самого Гоголя.

Сатирическим образом представителей имущих классов, «этих живых пасквилей на человечество», как характеризовал В. Г. Белинский Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Гоголь противопоставил любовно нарисованные образы представителей народа — простых крестьян и казаков. Как писатель реалист, «поэт жизни действительной», Гоголь не скрыл отдельных темных сторон народной жизни и народного характера, неизбежных спутников рабства и невежества, но он сумел увидеть и показать в русском и украинском народе самое главное — его прекрасную душу, живой ум, цельность характера, любовь к родине, чувство товарищества, упорство и бесстрашие в борьбе с угнетателями. Гоголь видел неиссякаемые силы, таящиеся в недрах русского народа, верил в его лучшее будущее. А отсюда — оптимизм и жизнеутверждающее начало гоголевского творчества.

Глубоко понять и правдиво изобразить народный характер Гоголь смог потому, что он любил простой народ и хорошо изучил его быт, обычаи, поэзию. Открывший новую блестящую страницу в истории рус-

¹ Н. В. Гоголь, Письма. Редакция В. И. Шенрока, т. I, СПб., 1901, стр. 235—236. Письмо от 1 февраля 1833 г.

ского критического реализма, Гоголь занимает значительное место и в истории русской этнографии и фольклористики.

Все биографы и исследователи творчества Гоголя отмечают, что интерес к народному быту и народной поэзии зародился у него уже в юношеские годы. Живя в детстве в постоянном общении с крестьянами, он хорошо узнал их язык, нравы и обычаи. В библиотеке своего дальнего родственника, известного магната Д. П. Трошинского, Гоголь знакомился со всей имевшейся тогда литературой по истории Украины и начавшими появляться русскими этнографическими работами². Интерес к народной жизни, вероятно, поддерживал у Гоголя и его отец, сам писавший бытовые украинские комедии. Сохранилась первая записная книжка Гоголя, начатая еще во время пребывания в Нежинской гимназии, — «Книга всякой всячины», в которой, наряду с прочими сведениями, записаны народные слова и выражения, украинские пословицы, загадки, песни и обычаи, украинские народные кушанья, выписки из Мейерберга и Олеария об одежде и обычаях русских. Позднее, уже в Петербурге, Гоголь занес в эту книжку полученные от родных описания украинского народного костюма, украинской свадьбы, народных игр и различные поверья (о русалках, о цветении папоротника в Иванову ночь, купальских песнях и обрядах и т. п.)³.

Стороженко, товарищ Гоголя по Нежинской гимназии, говорит о замечательном понимании Гоголем уже в те годы народного украинского характера и его умения разговаривать с крестьянами. После одного случая во время прогулки, когда Гоголь сумел быстро уговорить одну молодницу, набросившуюся на них с бранью за то, что они пошли через ее огород, Стороженко сказал ему: «Удивляюсь вам, когда вы успели так хорошо изучить характер поселяни! — Ах. Если-б в самом деле это было так, — отвечал Гоголь с одушевлением. — Тогда всю жизнь свою я посвятил бы любезной моей родине, описывая ее природу, юмор ее жителей, с их обычаями, поверьями, изустными преданиями и легендами. Согласитесь: источник обильный, неисчерпаемый, рудник богатый и еще непочатый»⁴. Стороженко писал свои воспоминания о Гоголе — знаменитом писателе, и возможно, что он приписал ему мысли уже более позднего времени, но сама сценка передана им чрезвычайно живо и свидетельствует об умении Гоголя подойти к народу.

Серьезно заниматься изучением этнографии и народной поэзии Гоголь начал после окончания гимназии. Переехав в Петербург, он сблизился с А. С. Пушкиным, оказавшим исключительно большое и плодотворное влияние на развитие его литературного таланта, и вошел в круг идей, волновавших тогда передовую общественную мысль. Интерес к народу, его положению и судьбам заставлял Гоголя серьезнее отнестись ко всем материалам, характеризующим народную жизнь. Период наибольшего творческого подъема совпадает у него с усилением интереса к этнографии и народной поэзии. К первой половине 30-х годов относится большинство собранных Гоголем этнографических материалов, а также статьи, заметки и высказывания о народной поэзии и народном быте. К этому же времени относится замысел истории Малороссии, главным материалом для которой должны были служить народные песни и думы, и большого сочинения в двух или трех томах, под заглавием «Земля и люди».

² Д. П. Трошинскому посвящено первое издание сборника Кирши Данилова (М., 1804) и «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Н. А. Цертелева (СПб., 1819), — первое издание украинских народных дум.

³ Почти все этнографические материалы, имеющиеся в «Книге всякой всячины», были использованы Гоголем в художественных произведениях.

⁴ Цит. по кн.: В. И. Шенрока, *Материалы для биографии Гоголя*, т. I, М., 1892, стр. 250.

Как декабристы и Пушкин, Гоголь считал, что создание и развитие национальной литературы и национального искусства возможны лишь на основе изучения и творческого освоения традиций народного искусства. «Вечера на хуторе близ Диканьки», вышедшие в 1831—1832 гг. и принесшие молодому писателю заслуженную славу, явились своеобразными художественными этнографическими очерками. Они привлекли читателей оригинальностью, свежестью, жизнерадостностью и демократической направленностью, правдивым и любовным изображением жизни украинских крестьян и казаков. В рецензии на второе издание «Вечеров» А. С. Пушкин писал в «Современнике»: «Читатели наши конечно помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой»⁵.

Такую же оценку «Вечерам» дал В. Г. Белинский, в немногих словах охарактеризовавший их значение: «Это были поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования. Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужным светом блестит в этих первых поэтических грезах г. Гоголя»⁶. И останавливаясь дальше на краткой характеристике отдельных повестей, В. Г. Белинский пишет, например, что «Ночь перед Рождеством» — «целая полная картина домашней жизни народа, его маленьких радостей, его маленьких горестей, словом тут вся поэзия его жизни». Еще выше оценивал В. Г. Белинский «Тараса Бульбу». По его мнению, Гоголь в этой повести исчерпал «всю жизнь исторической Малороссии и в дивном художественном создании навсегда запечатлел ее духовный образ»⁷.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» были задуманы Гоголем как подлинные народные рассказы, которые должны показать жизнь украинского крестьянства во всем ее разнообразии. Описание вечерниц, на которых «чего только не расскажут! Откуда старины не выкупают! Каких страхов не нанесут», данное во вступлении к «Вечерам», сразу же вводит в обстановку народного быта и народной поэзии. И тут же Гоголь утверждает демократическую направленность своих повестей, противопоставляя своего рассказчика — пасечника Рудого Панько писателям повестей и рассказов из светского быта. «Нашему брату, хуторянину, — говорит пасечник, — высунуть нос из своего захолюстья в большой свет — батюшки мои! — это все равно, как, случается, иногда зайдешь в покои великого пана! Все обступят тебя и пойдут дурачить... И начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда? Куда? Зачем? Пошел, мужик, пошел!».

Исследователи творчества Гоголя не раз возвращались к проблеме использования им народной поэзии, говорили об использовании песен, сказок, преданий, о верном описании обычаев и обрядов⁸. Но во всех дореволюционных работах проводится лишь формальное сопоставление

⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. VII, 1949, стр. 346.

⁶ В. Г. Белинский, О русской повести и поэзиях г. Гоголя. Цит. по кн. «В. Г. Белинский о Гоголе. Статьи, рецензии, письма». Вступ. статья и комментарии С. Машинского, М., ГИХЛ, 1949, стр. 82.

⁷ В. Г. Белинский, Сочинения Николая Гоголя. Четыре тома, СПб., 1842; Указ. сборн., стр. 263.

⁸ Об этом говорят в своих исследованиях и комментариях Н. С. Тихонравов, В. И. Шенрок, Котляревский. Специально теме «Гоголь и народная поэзия» посвящены статьи: Н. Ф. Сумцова «Параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий», «Киевская старица», 1892, март; Н. И. Петрова «Южнорусский народный элемент в фантных произведениях Гоголя», «Чтения исторического общества Нестора Летописца, кн. XVI, Киев, 1909; И. М. Каманина «Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии», там же; Г. Чудакова «Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя», Киев, 1906.

деталей гоголевских повестей с этнографическими и фольклорными материалами и не раскрывается характер использования этого материала и его идейное осмысление.

Этнографическая точность в описаниях у Гоголя действительно такова, что, например, А. П. Афанасьев считал возможным сослаться на «Вия» в научном исследовании⁹. К тому же сам Гоголь дает иногда как бы этнографический комментарий к своим произведениям (например, описание обычая колядования в примечании к «Ночи перед Рождеством» или примечание к «Вию»). Но этнографические и фольклорные материалы никогда не являлись для него самоцелью, а служили раскрытию основной идеи. Он привлекает их не для придания своим произведениям внешнего «местного колорита», не ради выскивания отдельных курьезов с целью заинтересовать читателя, а для создания реалистических образов представителей народа. Основной задачей художника он считал верное изображение характеров в их национально вылившейся форме, а этнографические и фольклорные материалы должны были помочь ему в этом.

Но Гоголь никогда не берет целиком сюжета своих произведений из народной сказки или предания; он отбирает из самых различных народных произведений только те черты, которые необходимы для его замысла и помогают характеристике образов. Позднее в «Авторской исповеди», раскрывая сущность своего творческого метода — метода писателя-реалиста, Гоголь говорил, что ему всегда необходимы были зарисовки отдельных портретов и характеров, записи бытовых сценок и пр.: «Сведения эти мне, просто, нужны были, — пишет он, — как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения. Он не переводит этих рисунков к себе на картину, но развешивает их вокруг по стенам, чтобы держать перед собою неотлучно, чтобы не погрешить ни в чем против действительности, противу времени или эпохи, какая им взята. Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных... Я никогда не писал портрета в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображения, а не воображения»¹⁰. Этнографические и фольклорные материалы и являлись для Гоголя такими этюдами, зарисовками с натуры, которые помогали правдиво передать быт и нравы народа, постигнуть суть изображаемых характеров.

В повестях Гоголя жизнь народа предстает во всем ее многообразии. Здесь и точное описание материального быта: хаты, хутора, домашней утвари, костюма, пищи, и семейные и общественные отношения, и большое количество песен, сказок, обычаев, обрядов, поверий. Достаточно перечитать хотя бы великолепное описание сельской ярмарки в Сорочинцах, чтобы почувствовать, как правдиво, красочно и любовно изображает Гоголь народный быт.

В «Вечерах на хуторе» постоянно встречаются описания села на Полтавщине, внешнего вида хаты, ее внутреннего устройства и убранства. Подробнейшее описание казацкой хаты на правобережной Украине дано в «Тарасе Бульбе»; столь же подробно описаны хутор Данилы в «Страшной мести» и дом сотника в «Вие». Почти во всех повестях можно найти описание народного костюма: здесь и обычная повседневная одежда, и одежда запорожских казаков, и яркие праздничные наряды девушек, молодежи и парубков на свадьбе («Ночь накануне Ивана Купала»), и пестро разрядившаяся Хивря, важно восседающая на верху воза, медленно влекомой парой волов («Сорочинская ярмарка»). Гоголь описы-

⁹ А. Н. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 170—171.

¹⁰ Н. В. Гоголь, Соч., изд. 10-е, т. IV, М., 1889, стр. 256.

вает народный костюм очень подробно, останавливаясь на таких, казалось бы, «мелочах», как детали головного убора, характер прически и т. п., и обязательно приводит точные местные названия причесок и частей костюма (так, он говорит, например, о прическах девушек, заплетенных свои волосы в «дрибушки» и перевивающих их «синдячками» ярких цветов, о длинном «оселедце» казаков и пр.).

Большое внимание уделяет Гоголь пище, постоянно упоминая такие национальные украинские кушанья, как гречаники, книши, поляницы и т. д., особенно же галушки и вареники (так, всем памятен Пацук из «Ночи под Рождество», глотающий галушки и вареники).

Постоянно встречаются у Гоголя описания различных народных обычаев и празднеств. Особенно часто говорит он о свадебных обычаях (сватовство и свадебные песни в «Сорочинской ярмарке», сватовство кузнеца Вакулы, сопровождающееся обязательными подарками будущему тестю — шапкой, поясом и нагайкой, свадебный пир в «Ночи накануне Ивана Купала» и др.). Большой материал дают произведения Гоголя для изучения семейного быта и социальных отношений украинского крестьянства. Так, очень ярко и метко показано в «Майской ночи» отношение массы крестьянства к богатому голове, свысока смотрящему на своих односельчан и гордящемуся оказанной ему некогда «честью» сопровождать Екатерину II в Крым.

Перечислять все богатство этнографических материалов, имеющих в повестях Гоголя, здесь нет необходимости; они могут и должны явиться предметом большого специального исследования.

Созданию «Вечеров» и «Тараса Бульбы» — этой героической эпопеи борьбы свободолюбивого украинского народа за национальное освобождение и воссоединение с братским русским народом — предшествовала большая собирательская и исследовательская работа по изучению истории, быта и народной поэзии. Гоголь не удовольствовался теми знаниями народной украинской жизни, которые он приобрел еще в детстве и юности. Он старался как можно глубже и вернее понять характер и воззрения народа. Поэтому он жадно ищет новые этнографические материалы, внимательно прочитывает старые летописи и документы, следит за вновь выходящей этнографической литературой. Почти во всех письмах к матери и родным, написанных в 1829—1832 гг., содержатся просьбы прислать те или иные этнографические сведения или благодарность за присланные материалы. Гоголь мечтал работать в открывавшемся в 1834 г. Киевском университете, где думал заняться прежде всего собиранием народной поэзии. «Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве», — пишет он А. С. Пушкину. — А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.!»¹¹ О том же пишет он М. А. Максимовичу¹², которого уговаривал перевестись из Московского университета в Киевский.

Этнографические интересы Гоголя были очень широки. Его интересует материальная культура, обычаи, поверья и особенно песни и сказки. Уже во втором письме, написанном матери из Петербурга (от 30 апреля 1829 г.) он просит сообщать ему «обычай и нравы малороссиян наших» и предлагает обширную программу сбора этнографических материалов. Ему нужно описание «полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как все это называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменявшихся малороссиян»¹³, а также описание современных костюмов девушек, замужних женщин и мужчин.

¹¹ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 271. Письмо от 23 декабря 1833 г.

¹² «Сколько мы там набираем всякой всячины. Все выкопаем», — пишет он 2 июля 1833 г. (Письма, т. I, стр. 253—254). О том же в письме от 12 марта 1834 г.

¹³ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 119.

Народный костюм вообще очень интересовал Гоголя. Он не раз обращается к родным с просьбами прислать описание того или иного костюма или же самый костюм. Так, он просит сестру М. В. Гоголь 19 сентября 1831 г.: «Если попадутся где старинные костюмы малороссийские, собирать все для меня. Если владельцы будут требовать за них дорого, пишите ко мне, я постараюсь собрать и выслать нужные деньги. Я помню очень хорошо, что один раз в церкви нашей мы все видели одну девушку в старинном платье [об этой девушке, привлечшей его старинным костюмом, Гоголь пишет второй раз]. Она, верно, продаст его. Если встретите где-нибудь у мужика старинную шапку или платье, отличающееся чем-нибудь необыкновенным, хотя бы даже оно было изорванное, приобретайте. Также нынешний мужской и женский костюм, только хороший и новый»¹⁴.

В приводимом уже выше письме к матери от 30 апреля 1829 г. Гоголь просит также прислать «обстоятельное описание свадьбы», сведения о колядках, Иване Купале, русалках, старинные сказания, предания и анекдоты. В следующих письмах он просит сообщить описания карточных игр, народных игр — в ворона и др. Особенно же часто повторяются просьбы собирать песни, сказки и предания. Кроме того, Гоголь просит собирать старинные рукописи, монеты, «вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множество находимы были в Псле»¹⁵.

Собираение этнографического материала Гоголь думал развернуть очень широко. Он советует матери «иметь корреспондентов в разных местах нашего повета», указывает лиц, от кого можно получить те или другие сведения. Он советует расспрашивать стариков, обращаться к знатокам тех или иных обрядов. Так, о свадьбе, по его мнению, «можно расспросить Демьяна (кажется так его зовут; прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадеб и который знал, повидимому, все возможные поверья и обычаи»¹⁶. Гоголь требует, чтобы присылаемые ему сведения были проверены, чтобы они были самыми точными и подробными. Так, костюм украинской девушки должен быть описан «до последней ленты», описание свадьбы нужно самое обстоятельное, «не упускающая наималейших подробностей», о духах и домовых следует написать «подробнее, с их названиями и делами». Такие же требования предъявляет он и к записям произведений народной поэзии. В письме от 8 февраля 1833 г. он благодарит мать «за то, что приказали Антошке списывать сказки. Как бы только он не умничал и не выбрасывал многого»¹⁷. Особенно внимательно и точно просил Гоголь записывать различные названия и терминологию. Так, он просит «название точное и верное платья, носимого до времен гетманских»¹⁸. «Прошу так же, добрая и несравненная маменька,— пишет он в другом письме,— ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования»¹⁹. Все это свидетельствует о том, как серьезно относился Гоголь к этнографическим материалам, которые он считал важным источником для познания истории и характера народа, как заботился он о том, чтобы описание народа было правдивым во всех, даже мельчайших деталях.

Гоголь считал необходимым изучать отдельные этнографические явления не изолированно, а во взаимной связи, как целостный комплекс. Только при этом условии полагает он возможным правильно понять смысл изучаемого явления и его отдельных частей. Так, приветствуя

¹⁴ Там же, стр. 190—191.

¹⁵ Там же, стр. 146.

¹⁶ Там же, стр. 120.

¹⁷ Там же, стр. 239.

¹⁸ Там же, стр. 119.

¹⁹ Там же, стр. 128.

мысль И. И. Срезневского об издании обрядовых песен, он указывает что следовало бы их «поместить совершенно в том порядке, в каком они следуют одна за другою во время обрядов с объяснением — при каких обстоятельствах. Это была бы очень нужная вещь, и верно бы все понимающие важность этого дела были бы вам очень благодарны»²⁰.

После создания «Вечеров», «Тараса Бульбы» и «Вия» Гоголь не только не прекращает сбор этнографических материалов, но все больше расширяет сферу своих интересов и стремится собрать сведения о народном быте всех областей России. Основным источником таких сведений служили для него прежде всего этнографические сборники и исследования, за которыми он очень внимательно следил (почти все вышедшие в то время работы по этнографии, народной поэзии и славяноведению упоминаются в его записных книжках и письмах). В письмах из Италии постоянно повторяются просьбы о присылке всех новых книг по народному быту. В записных книжках и бумагах Гоголя находятся различные этнографические заметки, выписанные из прочитанных книг, особенно из «Простонародных праздников и суеверных обрядов» И. М. Снегирева²¹. Делает он выписки и из местных изданий (например, из «Саратовских губернских ведомостей» выписаны «Народные поверья в селе Лопухове, Саратовской губернии»).

Гоголь старается также получать нужные ему сведения от друзей и знакомых, к которым он часто обращается с просьбами прислать тот или другой этнографический материал. «Мне теперь особенно будут нужны беседы с теми людьми, которые могут подать мне сведения верные и близкие обо всех сословиях вообще, и особенно низших, — пишет он 2 декабря 1847 г. С. П. Шевыреву. — Пожалуйста, не забывай также отмечать и всякие книжки, выходящие по этой части»²². Вероятно, от Н. М. Языкова получены Гоголем интересные данные о Симбирской губернии (сельскохозяйственный календарь, подробное описание крестьянской избы со всеми хозяйственными постройками, сельскохозяйственные орудия, ремесла, торговля и др.). А. М. Маркевича он просит сообщить сельскохозяйственный народный календарь Черниговской губернии и для образца приводит выписки из календаря одной северной губернии²³. С подобными же просьбами он обращался и к другим лицам.

Очень ценными считал Гоголь беседы со знатоками народной жизни. Таким знатоком он считал, например, В. И. Даля, сочинения которого ценил чрезвычайно высоко. «Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни... Его сочинения — живая и верная статистика России»²⁴, — писал он П. А. Плетневу. В записной книжке Гоголя имеется пометка о необходимости поговорить с Далем о различных сословиях в России. Вообще Гоголь использовал любую представившуюся ему возможность пополнить свой запас сведений о русской жизни.

В последние годы своей жизни Гоголь собирал материал для задуманного им сочинения о России, в котором он думал описать природу и показать «в настоящем виде качества и свойства русского народа со всем разнообразием особенностей, каким отличаются его ветви и племена»²⁵, а также и быт всех народов, живущих в России. Для этого сочинения Гоголь сделал обширные выписки из Палласа и книги Н. Не-

²⁰ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 301—302.

²¹ И. М. Снегирев, Простонародные праздники и суеверные обряды, М., 1837—1839.

²² Н. В. Гоголь, Письма, т. IV, стр. 102.

²³ Там же, стр. 267—268.

²⁴ Там же, т. III, стр. 272. Письмо к П. А. Плетневу.

²⁵ Там же, т. IV, стр. 345.

федьева о калмыках²⁶. Для осуществления своего замысла Гоголь считал необходимым поехать по России и самому посмотреть народную жизнь (об этом неоднократно говорит он в письмах). «Я располагаю поехать по губерниям в окрестностях Москвы; посетит кое-кого из знакомых и поглядеть на Русь в тех местах, где я ее не знаю. Сначала хотел было сделать это в большом размере, но увидя, что „чем дальше в лес, тем больше дров“, ограничиваюсь малым»²⁷.

Необходимо отметить, что в период обдумывания планов книги о России Гоголь потерял связи с передовыми общественными кругами, подпал под влияние реакционной идеологии и его отношение к народу существенно изменилось. Но знаменательно, что и в эти печальные для него годы он сохраняет живой интерес к жизни простого народа и хочет знать о России только правду. А эта правда была все той же горькой правдой, которую он так блестяще высказал в своих лучших произведениях и от которой теперь отрекался.

Предмет особой любви и научного изучения Гоголя всегда составляли народные песни. «Моя радость, жизнь моя, песни! Как я вас люблю!... Я жить не могу без песен»²⁸, — вырывается у него восторженное восклицание. Целый ряд воспоминаний свидетельствует о том, что Гоголь сохранил эту любовь к народной песне до конца жизни. И во время пребывания на чужбине песни особенно живо напоминали ему о родине. «Малороссийские песни со мною. Запасуюсь и тщуся сколько возможно надыхаться стариной»²⁹, — пишет он М. П. Погодину из Мариенбада.

В бумагах Гоголя сохранились три собственноручно переписанные им тетради, содержащие 105 русских и 434 украинские песни (не считая отрывков)³⁰. В это собрание не вошли песни, переданные им в свое время М. А. Максимовичу³¹, П. В. Киреевскому³² и другим. Гоголь, по-видимому, предполагал издать собранные им песни и надеялся, что это будет наиболее полный и действительно научный сборник. «Соединившись вместе, мы такое удерём издание, какого еще никогда ни у кого не было»³³, — пишет он М. А. Максимовичу.

Изданием песен Гоголь придавал большое значение. В письмах он дает оценку всем выходившим в то время сборникам. С живым интересом следит он за подготовкой Максимовичем второго сборника украинских песен, а по выходе его в свет дает ему оценку. Особенно ценны соображения Гоголя о переводах народных песен. Критикуя стремление Максимовича дать подстрочный перевод украинских песен на русский

²⁶ «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым», СПб., 1834. Тетради Гоголя с этими выписками опубликованы были Г. П. Георгиевским (Сб. «Памяти Жуковского и Гоголя», вып. третий, СПб., 1909).

²⁷ Н. В. Гоголь, Письма, т. IV, стр. 268. Письмо к А. М. Маркевичу, июнь 1849 г.

²⁸ Там же, т. I, стр. 263. Письмо к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г.

²⁹ Там же, стр. 621. Письмо от 15 августа 1839 г.

³⁰ Публикацию этих песен см. Георгиевский, Песни, собранные Н. В. Гоголем. Сб. «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. 2, изд. Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, СПб., 1908. Сам Гоголь в письме к М. А. Максимовичу от 12 февраля 1834 г. говорит, что песен у него собрано уже больше тысячи (Письма, т. I, стр. 277).

³¹ Участие Гоголя в его сборнике М. А. Максимович отмечает в предисловии. В письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. Гоголь писал: «Около ста пятидесяти песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему неизвестных» (Письма, т. I, стр. 280).

³² П. В. Киреевский в предисловии к «Русским народным песням» («Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1848, кн. 9), перечисляя лиц, принимавших участие в его собрании, писал, что Гоголь «сообщил тетрадь песен, собранных в различных местах России». Найденная в бумагах Киреевского тетрадь с 46 украинскими песнями, записанными Гоголем, опубликована в «Сборнике историко-филологического общества при Нежинском историко-филолог. ин-те», вып. VIII, 1912.

³³ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 282. Письмо от 12 марта 1834 г.

язык, он пишет, что «иногда можно отдаляться от слов подлинника, нарочно для того, чтобы быть к нему ближе... В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам... Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь!»³⁴ Не раз спрашивал он о судьбе собрания песен П. В. Киреевского, издание которых он расценивал как подвиг и боялся, что цензура не пропустит их³⁵. После выхода в 1833 г. первых выпусков «Запорожской старины» Гоголь вступает в оживленную переписку с И. И. Срезневским по поводу изданных им песен.

Такой исключительный и устойчивый интерес к песням у Гоголя не случаен. Он считал, что «песня составляет самый богатейший отдел поэзии у народов славянских»³⁶ и что они являются особенно ценным материалом для понимания характера, психологии и воззрений народа. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа»³⁷, — писал он в статье «О малороссийских песнях».

Гоголь особенно подчеркивает историческое значение песен: «Они — надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник. Камень с красноречивым рельефом, с исторической надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — все! И поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем быте этой цветущей части России»³⁸. Эту мысль Гоголь повторяет неоднократно и в письмах. Именно народные песни думал он положить в основу задуманной им истории Малороссии. «Если бы наш край не имел такого богатства песен, я бы никогда не писал истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или история моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь»³⁹, — пишет он И. И. Срезневскому. В объявлении же «Об издании истории малороссийских казаков» он просит сообщать ему о всех имеющихся исторических материалах, включая в число их «песни и повести бандуристов».

Выделение на первый план исторической значимости песен связано с общим характером исторических воззрений Гоголя. Он хотел написать не историю отдельных князей и царей, а историю народа. Его интересует происхождение народа, формирование и своеобразие народного характера, героические подвиги народа. Такая концепция резко расходилась с официальной историографией и сближалась в основном с историческими взглядами декабристов⁴⁰ и концепцией Пушкина, интересовавшегося в истории прежде всего массовыми народными движениями. Это, конечно, не значит, что идейно Гоголь полностью примыкает к декабристам, а тем более к Пушкину и Белинскому, его политические взгляды всегда но-

³⁴ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 290—291. Письмо от 20 апреля 1834 г. См. также письмо от 26 марта о классификации песен, там же, стр. 286.

³⁵ В письме к Н. М. Языкову от 8 октября 1843 г. Гоголь писал: «Ты пишешь, что Петр Васильевич Киреевский совершил свой великий подвиг и послал песни в Петербург в цензуру. Слава богу. Есть, стало быть, надежда, что мы лет через десять, будем читать их, разумеется, если пропустит цензура и не помещает недосуг, которого так много в московской жизни» (Письма, т. II, стр. 352).

³⁶ Н. В. Гоголь, Учебная книга словесности, Соч., т. VI, стр. 409.

³⁷ Н. В. Гоголь, Собр. соч., т. V, стр. 287.

³⁸ Там же, стр. 287—288.

³⁹ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 279. Письмо от 6 марта 1834.

⁴⁰ В своих теоретических высказываниях об историческом процессе декабристы отводили народу основное место, не дифференцируя, однако, понятие народ. Poleмизируя с концепцией Н. М. Карамзина, заявившего, что «история народа принадлежит царям», Никита Муравьев писал: «история принадлежит народу». То же утверждали и другие декабристы, например, Н. И. Тургенев, записавший в своем дневнике 21 февраля 1818 г. «История народа принадлежит народу — и никому более. Смешно дарить ею царей».

сили более ограниченный характер, однако в ряде вопросов, в том числе и о роли народа в истории, Гоголь был близок к ним.

Естественно поэтому, что Гоголь ставил народную песню как исторический источник выше летописей и других письменных источников, почти ничего не говоривших о народе, о его подвигах, мыслях и устремлениях. Совершенно ясно он говорит об этом в цитированном выше письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.: «Я недоволен польскими историками: они очень мало говорят об этих подвигах... И потому то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи»⁴¹.

Оценивая так летописи, особенно польские, Гоголь повторяет мысли И. И. Срезневского, высказанные им в предисловии к первому выпуску «Запорожской старины». Но Гоголь несравненно глубже, чем Срезневский, не говоря уже о первых издателях украинских дум, Цертелеве и Максимовиче⁴², понимает историческое значение песен. И. И. Срезневский делил песни и думы на «собственно исторические, т. е. имеющие предметом повествование о событиях и лицах исторических», и этнографические, к которым он относил все остальные песни и думы («песни походные, разгульные, сатирические, думы нравоучительные, религиозные и пр.»). Первые он считает важными преимущественно для внешней истории запорожцев, вторые — для внутренней⁴³. К историческим песням Срезневский подходил так же, как к любому письменному историческому источнику: он искал в них точных исторических фактов и дат и считал необходимым подвергать их строгой критической проверке, сличая их между собой и с летописями.

Гоголь отрицает такое прямолинейное отождествление письменных исторических документов и устной народной поэзии и совершенно правильно вскрывает своеобразие песни как исторического источника. Песни ценны для историка народной жизни не описанием отдельных фактов и деталей, а верным изображением эпохи и народного характера данного периода. «Историк не должен искать в них, — говорит Гоголь, — показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции; в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выплывать дух минувшего века... тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в ясном величии»⁴⁴. Так глубоко и верно историческое значение народных песен до Гоголя никто не определял. И если Гоголь сумел вскрыть это значение и показать специфику народных песен, то это свидетельствует о том, насколько хорошо он знал и понимал их.

Задуманную историю Украины Гоголь не написал, но собранные им материалы, и в первую очередь песни и думы, дали возможность ему создать «Тараса Бульбу» — огромное эпическое полотно, запечатлевшее героическое прошлое украинского народа, его самоотверженную борьбу со своими угнетателями и кровную нерасторжимую связь с братским русским народом. В «Тарасе Бульбе» нашли свое выражение взгляды Гоголя на роль народных масс в историческом процессе. Характерно, что в исторической повести Гоголя нет ни одного «исторического» лица упоминаемого в письменных источниках, — Гоголь хотел показать могу-

⁴¹ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 278.

⁴² Н. А. Цертелев в предисловии к своему сборнику вообще отрицал какое бы то ни было историческое значение дум, отрицает это значение и М. А. Максимович в своем первом сборнике. Во втором сборнике Максимович уже признает думы историческими произведениями, но не развивает этой мысли и не показывает их исторического значения.

⁴³ «Запорожская старина», ч. 1, Харьков, 1833, стр. 15—16.

⁴⁴ Н. В. Гоголь, О малороссийских песнях, Собр. соч., т. V, стр. 288.

чес народное движение и создать героические образы простых казаков, совершивших бессмертные подвиги и освободивших родную землю от польских панов. Материал для создания этих образов, и прежде всего образа самого Тараса Бульбы, дали ему героические думы, думами же навеяны отдельные эпизоды, ситуации и стиль повести⁴⁵. Глубокий патриотизм, вера в неиссякаемые силы народа, его могучий дух пронизывают повесть, так же как пронизывает он русские былины и исторические песни и украинские думы. И хотя главные герои повести гибнут в борьбе с врагами, все произведение в целом убеждает в торжестве народа над его угнетателями. «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» — вдохновенно заканчивает Гоголь свою повесть, подчеркивая этими словами ее основную идею.

Показав в своих художественных произведениях важность народной поэзии для понимания народной жизни и народного характера и раскрыв с достаточной четкостью ее историческое значение, Гоголь подчеркивает и ее значение для развития национальной литературы. В этом отношении он следовал своему учителю Пушкину, призывавшему молодых писателей изучать поэзию и язык народа. Летом 1831 г. Гоголь жил в Царском Селе, в непосредственной близости с Пушкиным и Жуковским, и пристально следил за их работой над русскими сказками. Обратившись к народной сказке, Пушкин и Жуковский создают, по его мнению, фундамент действительно русской народной литературы. В восторженном, торжественном стиле пишет он Жуковскому о своем впечатлении от этих сказок и дает исключительно высокую оценку их значения. «Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии. Страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам! Да поклоняются потомки и да имут место, где возносить умиленные молитвы свои. — Как прекрасен удел ваш, великие зодчие!»⁴⁶ Гоголь не замечает принципиального различия между сказками Пушкина и Жуковского, обусловленного различием мировоззрения их творцов; для него сказки Жуковского имеют такое же значение, как и сказки Пушкина. Но важна сама мысль о народно-поэтической традиции как основе национальной литературы, к которой Гоголь возвращался неоднократно и которой он следовал в своем собственном творчестве.

Народное творчество, по мнению Гоголя, является истоком не только литературы, но и всех видов искусства. Только на его основе может вырастать и успешно развиваться действительно народное, национальное, общественно-значимое искусство. В «Петербургских записках 1836 года» Гоголь со всей резкостью обрушивается на репертуар Петербургского драматического театра, ставящего только иностранные водевили и уродливые, «надутые и холодные мелодрамы», не имеющие никакого отношения к русской жизни («я воображаю, в каком странном недоумении будет потомок наш, вздумающий искать нашего общества в наших мелодрамах»). Зато с большой теплотой говорит Гоголь об опере, особенно об опере Глинки. Успех оперы он объясняет исконной любовью русского народа к песням, в которых видит неиссякаемый источник для развития русской музыки. «Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! — восклицает он. — Покажите мне народ, у которого бы больше было песен». И тут же пропев восторженный дифирамб народным песням, сопровождающим рус-

⁴⁵ См. об этом С. Машинский, Историческая повесть Гоголя, М., 1940. Глаза «Гоголь и народная историко-поэтическая традиция».

⁴⁶ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 188. О сказках Пушкина и Жуковского Гоголь писал также 2 ноября 1831 г. своему товарищу А. С. Данилевскому (там же, стр. 196).

ского человека на всем его жизненном пути, Гоголь заключает: «У нас ли не из чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало»⁴⁷.

Высоко оценивает Гоголь и русский балет, но отмечает и его существенный недостаток: в балетах совершенствуется лишь внешняя постановочная сторона, тогда как сущность его почти не меняется; в танцах очень мало нового и характерного. Обогащать балет должен народный танец с его ярко выраженным национальным характером. «Посмотрите, народные танцы являются в разных углах мира! Испанец пляшет не так, как швейцарец, шотландец, как теньеровский немец, русский не так, как француз, как азиатец,— пишет Гоголь.— Даже в провинциях одного и того же государства изменяется танец... Откуда родилось такое разнообразие танцев? Оно родилось из характера народа, его жизни и образа занятий. Руководствуясь тонкою разборчивостью, творец балета может брать из них, сколько хочет, для определения характеров пляшущих своих героев»⁴⁸. Развивая и углубляя в своем художественном творчестве реалистическое направление, Гоголь, таким образом, и теоретически обосновывал свою поэзию. Вместе с Пушкиным, Белинским и другими передовыми деятелями русской культуры он боролся за правдивое, полноценное, подлинно народное русское искусство.

К мыслям о народной поэзии как источнике национальной литературы Гоголь возвращается и в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и ее особенность». В развитии самобытных народных начал, заключенных в песнях и пословицах, он видит основную задачу русских писателей. Он, например, считает, что ни у кого из них «еще не отразилась вполне та многосторонняя поэтическая полнота ума нашего, которая заключена в наших многоочитых пословицах, умевших сделать такие великие выводы из бедного ничтожного своего времени, где в таких тесных пределах и в такой мутной луже изворачивался русский человек»⁴⁹. Разбираемая статья была закончена в 1846 г. и вошла в «Выбранные места из переписки с друзьями». В ней сказались взгляды Гоголя последних, печальных для его творчества, лет, когда он подпал под влияние завзятых реакционеров и мракобесов. Одним из основных начал нашей народности Гоголь объявляет в этой статье православие и в число основных источников самобытной русской поэзии, наряду с народными песнями и пословицами, ставит творения «церковных пастырей». Но писалась эта статья в несколько приемов и сохранила отдельные воззрения ранних лет; это сказалось в высокой оценке народной поэзии как источника национальной культуры.

Замечательную характеристику дает Гоголь пословицам, которые он считал особенно ценным материалом для познания характера и образа мыслей народа. Пословицы для него обобщенный опыт народа, вывод из всех его жизненных наблюдений. В них, говорит он, «видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, меткость живописного изображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникает насквозь природу русского человека, задирая за все ее живое»⁵⁰. «Русская пословица во век не сломится»,— пометает он в записной книжке⁵¹.

Отношение Гоголя к пословицам совпадает с отношением Пушкина, утверждавшим, что «каждая из них есть золото». Как обобщение социально-трудового опыта народа ценил пословицы и А. М. Горький, призывавший писателей учиться на них краткости и меткости языка. Для Гоголя пословицы также являлись примером гибкости и выразительно-

⁴⁷ Н. В. Гоголь. Соч., т. V, стр. 515.

⁴⁸ Там же, стр. 515—516.

⁴⁹ Там же, т. IV, стр. 211.

⁵⁰ Там же, стр. 69.

⁵¹ Там же, т. VI, стр. 540.

сти народного языка. «Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших»⁵², — утверждает он. А язык народа, манера выражения всегда в высокой степени интересовали Гоголя — художника слова. Еще в гимназии он составил свой первый словарь, записывал народные выражения и пословицы. Такие записи он вел всю жизнь, занося в записные книжки заинтересовавшие его слова, прозвища, местные названия и т. п. При этом Гоголь обычно приводит не отдельное слово, а целое выражение, пословицу, строчку из песни, поясняющие слова и показывающие его различные смысловые оттенки. Все это служило ему материалом для обогащения своего собственного языка. Он считал, что русский язык еще недостаточно изучен и не используется в должной мере писателями. «Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких, он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям»⁵³. Сам Гоголь использовал местные слова и диалекты с большой осторожностью и тактом, тщательно отбирая из них лишь такие, какие помогали созданию образа и характеристике персонажа.

В языке, в манере выражения Гоголь старался уловить своеобразие народного характера. Высоко ставил он меткое и острое русское слово, свидетельствовавшее об уме, сметливости и наблюдательности народа. Вдохновенными лирическими строчками закончил он пятую главу «Мертвых душ»: «И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, своеобразно отличался каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера... но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Приемы использования Гоголем этнографических материалов и народно-поэтических произведений, его статьи и заметки дают все основания утверждать, что в основном он примыкал к прогрессивному демократическому направлению русской этнографической науки, представленному в то время Пушкиным и Белинским. Но сам Гоголь никогда не делал тех революционных выводов, которые объективно вытекали из его лучших произведений. И в его этнографических заметках нет таких социально острых, обличительных материалов, какие имеются, например, у Пушкина. Показательно, что он, наряду с песнями и пословицами, большое внимание уделяет обрядам и поверьям и нигде не упоминает сатирические сказки, которые с таким блеском использовал Пушкин и значение которых особенно подчеркивал Белинский.

Для Гоголя этнография и народная поэзия в основном все же старина, прошлое. Он постоянно подчеркивает, что расспрашивать надо самых старых, «самых наименее пережившихся» людей, и полагает, что подлинную народную песню можно искать лишь «подальше от большой дороги и разврата»⁵⁴. Однако характер обращения к старине у Гоголя, как уже отмечалось, принципиально отличен от обращения к старине славянофилов и представителей официальной народности. Не смирение и рабскую покорность, а гордый независимый дух народа, его непримиримую ненависть к угнетателям и пламенную любовь к родине и свободе увидел он в прошлом. Героические образы прошлого являлись у него контрастом настоящему и ярко оттеняли омерзитель-

⁵² Н. В. Гоголь, Соч., т. IV, стр. 194

⁵³ Там же, стр. 211—212.

⁵⁴ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 280. Письмо И. И. Срезневскому от 6 марта 1834.

ность и ничтожество эксплуататорских классов. «Бей в прошедшем настоящее»⁵⁵, — писал он Н. М. Языкову. Таким историческим произведением, обращенным в современность, и был «Тарас Бульба».

О принципиальном расхождении Гоголя с концепцией «официальной народности» свидетельствует его оценка трудов И. М. Снегирева и И. П. Сахарова. Гоголь пользовался материалами, опубликованными И. М. Снегиревым, делал из них выписки, но отрицательно относился к его исследованиям и комментариям⁵⁶. Еще более резко отзывался он о И. П. Сахарове, который, по его словам, пускается в пространные рассуждения, но не дает ни одной своей мысли. Особенно восстает Гоголь против утверждения Сахарова, будто предки русских никогда не знали иной религии, кроме христианской. «Меня остановила мысль, — пишет Гоголь, — или, лучше сказать, вздор этой мысли, что будто-бы нам нужно отвергнуть всех богов, о которых не говорит Нестор, что они или составлены после, или были у других народов, к которым он причисляет и других славян. Но Нестор монах и летописец текущих событий. Ему нет нужды перечислять всех богов. Притом, как христианин и монах, он не мог углубляться в предмет презрительный и неприличный для христианина в то время»⁵⁷. Гоголь выступает здесь против одного из основных положений теории официальной народности, утверждавшей, что христианство является исконным началом русской народности. Сам же Гоголь интересовался преимущественно дохристианскими верованиями.

Творческое наследие Гоголя было предметом ожесточенных споров. Реакционеры всех мастей, стремясь ослабить воздействие гоголевской сатиры, отрицали и значение Гоголя как этнографа, клеветнически утверждая, будто он совсем не знал жизни народа. Как дилетантские, не имеющие никакой научной ценности расценивались и его работы о народных песнях. Особенно усердствовали в этом украинские националисты. Так, П. А. Кулиш с первых же номеров издававшегося им журнала «Основа» начал поход против Гоголя. Желая подорвать любовь к нему в демократических кругах, Кулиш писал, что к мужику Гоголь подходил как барин, с единственной целью осмеять его, что народной жизни он не знал и что «Вечера» «мало заключают в себе этнографической и исторической истины»⁵⁸. Наибольшим нападкам Кулиша подвергся «Тарас Бульба», которого он характеризовал, как произведение «эффектное, потешающее воображение, но мало объясняющее народную жизнь». Поход против Гоголя был одновременно походом против всей русской передовой мысли и в первую очередь против В. Г. Белинского, критический авторитет которого Кулиш поставил своей целью развенчать. Украинским националистам, злейшим врагам украинского и русского народа, пытавшимся изолировать Украину от влияния революционной русской мысли и русской демократической культуры, из всех произведений Гоголя был особенно ненавистен «Тарас Бульба», так как в нем великий художник-реалист со всей силой своего таланта показал близость и нерушимую дружбу двух братских народов. Ожесточенность нападков на Гоголя со стороны реакционного лагеря являлась доказательством общественной значимости его произведений, действенности его сатиры, бывшей по основным порокам существующего строя. Сатирические образы Гоголя и сейчас еще в полной мере сохраняют свою обличительную силу в странах капитала.

Во всех произведениях Гоголя видна его любовь к России и про-

⁵⁵ Н. В. Гоголь, Письма, т. II, стр. 581.

⁵⁶ Н. В. Гоголь, Письма, т. I, стр. 596. Письма к М. П. Погодину от 5 мая 1839 г.; его же, Письма, т. IV, стр. 102. К С. П. Шевыреву от 2 декабря 1847 г.

⁵⁷ Там же, т. I, стр. 596.

⁵⁸ П. А. Кулиш, Журн. «Основа», 1861, апрель, стр. 71.

стому народу, вера в его силы и творческие возможности. В своих художественных произведениях и этнографических исследованиях Гоголь всегда исходил из признания равноправности, близкого родства и тесной взаимной связи русской и украинской национальной культуры. Ему одинаково чужд и великодержавный шовинизм, и украинский национализм. С равным уважением и любовью говорит и пишет он о русском и украинском народе, русские и украинские этнографические материалы постоянно перемежаются у него, начиная с первой записной книжки. За статьей «Малороссийские песни», высоко оценившей поэтические достоинства и историческое значение украинских песен, следовали восторженные отзывы о русских песнях и пословицах и т. д. И если изучение этнографии Украины помогло ему написать чудесные украинские повести и «Тараса Бульбу», то плодом изучения быта русского народа явилось его величайшее произведение — «Мертвые души», которое В. Г. Белинский оценил как «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, порывистою, кровною любовью к плодотворному зерну русской жизни; творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта,— и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое»⁵⁹.

---

⁵⁹ В. Г. Белинский, Похождения Чичикова или Мертвые души, Сб. «Белинский о Гоголе», стр. 164.